

избѣгаетъ безразсудныхъ помысловъ и не выходитъ изъ границъ истины. Да, поистинѣ жалки и надменны фарисеи, надѣявшіеся отклонять отъ истины рѣшившихся думать и говорить правду и уже готоваго къ благодарности и благодаря чуду ставшаго близкимъ къ ясному познанію принуждавшіе сказать нѣчто неподобающее о Томъ, Кто чудесно призвалъ его къ превышавшему надежду состоянію.

IX. 17. Онъ же рече, яко пророкъ есть.

Острую стрѣлу получаютъ въ сердце свое тѣ, кои не принимаютъ здраваго и праваго ученія, стараясь, повидимому, обогащаться одною только ненавистью, ибо „не получить коварный добычи“, по написанному (Притч. 12, 27). Страніе ихъ окончилось вопреки ихъ намѣренію и они сверхъ ожиданія услышали, „что пророкъ Онъ“. Такимъ образомъ исцѣленный соглашается съ другими. Разумно понимающіе природу дѣла объявляютъ, что грѣшный человѣкъ не можетъ совершать ничего такого. А тотъ, надъ кѣмъ совершено чудо, какъ бы идя по слѣдамъ мнѣнія тѣхъ, говоритъ, что Онъ есть пророкъ, еще не узнавъ точно, кто Онъ въ дѣйствительности, но послѣдовавъ уже по проторенному у Іудеевъ пути. Было въ обычаѣ у нихъ называть пророками чудотворцевъ, какъ свидѣтельствуемыхъ этимъ отъ Бога въ святости. Итакъ, какъ тѣ изъ почтенія къ субботѣ не безчестятъ величіе божественнаго знаменія и Совершившаго его называютъ неповиннымъ никакому грѣху, такимъ же, думаю, образомъ и этотъ (слѣпецъ), будучи далекъ отъ мелочныхъ сужденій о субботѣ, усвояетъ высшую славу Тому, Кто даровалъ ему зрѣніе и, ставя Его въ числѣ святыхъ, называетъ пророкомъ. И мнѣ кажется, что онъ уже не

особенно заботится о заповѣдяхъ закона, иначе онъ не изумлялся бы предъ Нимъ такъ сильно и не поставилъ бы врача въ числѣ пророковъ, хотя Онъ казался нарушавшимъ заповѣдь о субботѣ. Итакъ, получивъ пользу отъ чуда, Онъ выше законной заповѣди славить Чудотворца, ради добра совершившаго безвинное нарушеніе закона.

IX. 18. 19. Не яша въры Іудеи о Немъ, яко слѣпъ бы и прозрѣ, дондеже возгласиша родителя самого прозрѣвшаго и вопросиша ихъ, глаголюще: сей ли есть сынъ ваю (вашъ), его же вы глаголете, яко слѣпъ родися? Како убо видитъ нынѣ?

Сильная ненависть ихъ къ Исцѣлителю не дозволяетъ имъ вѣрить въ то, что всѣми было признано. Пронзенные жаломъ безумія, они мало заботятся объ истинѣ и принуждали сначала самого слѣпца ложно говорить противъ Христа, а теперь и родителей его тщетно стараются склонить къ тому же, такъ какъ все вышло совсѣмъ напротивъ. Совершенно излишній вопросъ ставятъ родителямъ этого человѣка, чѣмъ, мнѣ кажется, по своему чрезмѣрному неразумію оскорбляютъ и самый, высоко чтимый у нихъ, законъ. Вѣдь сосѣди, какъ написано (выше ст. 13), привели прежняго слѣпца и на подобный же теперешнему вопросъ отвѣчали, что онъ родился слѣпымъ, и свидѣтельствовали, что теперь прозрѣлъ. Потомъ, между тѣмъ какъ законъ ясно возвѣщаетъ, что при двухъ и трехъ свидѣтеляхъ истинно всякое слово (Второз. 19, 15), они лишаютъ значенія свидѣтельства не двухъ только или трехъ, но, какъ оказывается, гораздо большаго числа людей и обращаются къ другимъ—родителямъ исцѣленнаго, совершая тѣмъ дѣло незаконное и не-вѣжественное. Но законъ для нихъ—ничто, когда они

стараятся сдѣлать что либо для своего удовольствія. Когда засвидѣтельствованное сосѣдами и самимъ исцѣленнымъ чудо заставляло ихъ молчать даже невольно, они возимѣли надежду заставить вопрошаемыхъ (родителей слѣпца) пренебречь истинною и говорить согласно ихъ желанію. Замѣть, съ какимъ негодованіемъ спрашиваютъ ихъ: „сей ли есть сынъ вашъ, о комъ вы говорите, что слѣпымъ родился?“ Какъ бы стараются внушить, что сдѣлаютъ съ ними что то ужасное, и навести великій страхъ, тѣмъ самымъ вынуждая ихъ къ тому, что хотѣли отъ нихъ слышать, то-есть, что онъ не родился слѣпцомъ. Единая была у нихъ и нечестивая цѣль—уничтожить представленіе народа о Христѣ и разрушить вѣру у тѣхъ, кто уже сталъ питать удивленіе къ Нему. Какъ тѣ, что стараются разрушить какой либо хорошо укрѣпленный городъ, окружаютъ его со всѣхъ сторонъ и осаждаютъ его всякими способами,—то спѣшатъ подкопать стѣны, то разбиваютъ башни ударами изъ осадныхъ орудій: такъ и вседерзкіе фариसेи своимъ невѣріемъ осаждаютъ чудо, не оставляя (неиспытаннымъ для сего) ни одного рода нечестія. Но невозможно было устранить, какъ небывшее, то, что всѣми уже было признано, и обратить въ несуществующее представленіе то, что во многихъ уже вызвало удивленіе.

IX. 20. 21. Отвѣщаеи родителя его и рѣста: вѣмы, яко сей есть сынъ наю и яко слѣпъ родился: како же нынѣ видитъ, не вѣмы, или кто отверзе ему очи, мы не вѣмы: самого вопросите, возрастъ имать самъ о себѣ глаголати (возглаголетъ).

Признаютъ, какъ истинное и не подлежащее никакому сомнѣнію, въ чемъ они никоимъ образомъ не

могли обмануться. Вѣдь знаютъ, говорятъ они, своего собственного сына и не отрицаютъ подлинности его рожденія отъ нихъ, но ясно утверждаютъ, что родился онъ съ порокомъ слѣпоты. Однакожъ уклоняются рассказывать чудо, предоставляя громко говорить объ этомъ самой природѣ дѣла и утверждая, что всего приличнѣе самому сыну ихъ рассказать, какимъ образомъ онъ получилъ исцѣленіе. Страхъ предъ опасностью нерѣдко побуждаетъ уклоняться отъ долга. Поэтому, трепеща предъ жестокостью фарисеевъ, они не послѣдовали прекрасной заповѣди „даже до смерти подвизаться за истину“ (Сир. 4 28). Напротивъ, имъ естественно было нѣкоторое другое состояніе, именно: бѣдникъ во всемъ боязливъ и по своей бѣдности уклоняется отъ противодѣйствія кому либо, часто прибѣгаетъ къ невольному молчанію и вынужденному терпѣнію,—уже достаточно сокрушенный тяжестью бѣдности, онъ боится подвергаться какому либо другимъ бѣдамъ. Въ подобномъ состояніи, надо думать, находились и родители слѣпца, хотя ихъ рѣчь и шла въ полномъ соотвѣтствіи съ положеніемъ дѣла (и ни мало не уклонялась отъ истины). Въ самомъ дѣлѣ, каждый согласится съ тѣмъ, что знать рожденнаго отъ нихъ безъ всякаго сомнѣнія свойственно было конечно имъ, а не рожденному, знать же врача подобало конечно не родителямъ, а тому, кто испыталъ на себѣ благодать чуда. Такимъ образомъ они ясно признаютъ то, что знаютъ, призываемые къ этому и долгомъ. А что вѣрнѣе могъ рассказать тотъ (ихъ сынъ), какъ имѣвшій объ этомъ болѣе точное знаніе, объ этомъ побуждаютъ (фарисеевъ) спросить у него (сына). И не безъ божественнаго внушенія, какъ мнѣ кажется, къ своимъ словамъ они присоединили: „возрастъ имѣетъ“, ибо и этимъ дается

нѣкое обвиненіе нечестія фарисеевъ. Вѣдь если получившій зрѣніе по времени и по возрасту имѣетъ способность мыслить, то когда онъ говоритъ, что было чудо и какъ оно случилось съ нимъ, говоритъ не по дѣтскому уму, но по совершенно уже зрѣлому и способному подтверждать все, что желаетъ. Такимъ образомъ и отсюда со всею необходимостью приходится усматривать безстыднѣйшее невѣріе фарисеевъ, ибо вотъ не вѣрятъ ни сосѣдямъ, ни самому слѣпцу, свидѣтельствующему это не по нѣжно-дѣтскому уму и не по ребяческой склонности къ обману, но имѣющему возрастъ, способный понимать природу предметовъ.

IX. 22. Сія рѣста родителя его, яко боястася Іудеевъ, уже бо сложилися Іудеи, да аще кто исповѣсть Христа Его быти, отлученъ отъ синагоги будетъ.

Прекрасно и справедливо Господь нашъ Іисусъ Христосъ посылаетъ на головы фарисеевъ „горе“: „ибо горе вамъ законникамъ, что взяли вы ключъ знанія, сами не вошли и входящимъ воспрепятствовали“ (Лук. 9, 52). Боголюбивый пусть опять обратитъ вниманіе на то, нѣтъ ли въ этихъ словахъ красоты истины,—ибо Христосъ отнюдь не могъ бы сказать ложь. Вотъ вѣдь кромѣ того, что никто изъ нихъ не старается сообщать ученіе о пришествіи Его, они и тѣхъ, кто могъ самъ понимать это изъ чудесности дѣла, безъ всякаго стѣсненія приводятъ въ ужасъ и своею звѣрскою жестокостью созидаютъ неустранимое препятствіе къ признанію Того, Кого можно было видѣть въ самыхъ Его чудесныхъ дѣлахъ. Такъ благодарнаго (исцѣленнаго слѣпца) и потому уже готово-го къ вѣрѣ они, жалкіе, не стыдятся сдѣлать отлученнымъ отъ общенія (синагоги), какъ бы своею вла-

стію отдѣлить отъ Бога того, кто привязанъ къ Богу, какъ бы заставить Самого Господа всяческихъ быть споспѣшникомъ имъ въ присущей имъ ярости противъ всѣхъ. Впрочемъ досточудный Евангелистъ защищаетъ (родителей слѣпца) и говоритъ, что вопрошаемые были побѣждены страхомъ и поэтому не желали сказать, что ихъ сына исцѣлилъ Христосъ, дабы обнажить и сдѣлать явнымъ и для потомковъ всю громадность безумія Іудеевъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть безчеловѣчнѣе таковыхъ, кои опредѣляютъ наказаніе даже за благодарность и считаютъ достойными казни тѣхъ, кто могъ уразумѣвать Возвѣщаемаго закономъ и пророками. А что нечестивыя намѣренія Іудеевъ не были неизвѣстны святымъ пророкамъ, объ этомъ узнаемъ изъ священныхъ писаній. Такъ Исслѣдующій сердца и внутренности, „проницающій до раздѣленія души и духа, суставовъ и мозговъ, и судящій помысленія и намѣренія сердечныя, Кому все обнажено и открыто“ (Евр. 4, 12—13) говоритъ чрезъ Исаію: „горе, чада отступники, это говоритъ Господь: вы сотворили совѣтъ, и не чрезъ Меня,— завѣты, и не чрезъ Духа Моего, приложить грѣхъ ко грѣху“ (Иса. 30, 1); ибо кто говоритъ, что Господь—Иисусъ, тотъ скажетъ безъ сомнѣнія Духомъ Святымъ. по слову Павла (1 Кор. 12, 3), а кто заботится о противоположномъ, тотъ—не Духомъ Святымъ. Откуда же?—Тотъ, вѣрнѣе, будетъ говорить Веельзевуломъ. Итакъ, не чрезъ Духа Святаго намѣренія Іудеевъ, ибо прилагали грѣхи къ грѣхамъ, сами прежде всего навлекая на свои головы гибель за свое невѣріе, а потомъ посылая ее и на другихъ, благодаря тому, что препятствовали имъ исповѣдать Христа. И дѣйствительно, крайняго нечестія исполнено было ихъ предпріятіе, а кромѣ того и Псалмопѣвецъ осмѣи-

ваетъ занимающихся такими бесполезными и пустыми дѣлами въ словахъ: „Господи, во гнѣвъ Твоемъ смутить ихъ, и поѣсть ихъ огонь, плодъ ихъ съ земли погубишь и сѣмя ихъ между сынами человѣческими: потому что они предприняли противъ Тебя злое, составили замыселъ, въ коемъ не возмогутъ устоять“ (Псал. 20, 10—12). Да, отнюдь не возмogli исполнить богоборный свой замыселъ, хотя и часто и безчисленными способами пытались уничтожить славу Христа. Посему и оказываются позади, то-есть удаляются отъ лица и отъ очей Владыки всяческихъ (ст. 13), справедливо слыша: „ходите свѣтомъ огня вашего и пламенемъ, что разожгли вы“ (Иса. 50 11).

IX. 24. Возгласиша убо челоѡвка вторицею, иже бѣ слѣпъ, и рѣша ему: даждь славу Богу: мы вѣмы, яко сей челоѡвѣхъ грѣшенъ есть.

Оказавшись не въ состоянiи отклонить этого челоѡвка отъ возданiя славы Христу, пытаются другимъ способомъ достигнуть этого и стараются нѣкоторымъ образомъ посредствомъ лести привлечь къ своей цѣли, усиливаясь посредствомъ многихъ словъ заставить его совѣмъ не упоминать Христа и не провозглашать о Немъ какъ цѣлитель, но весьма коварно говорятъ, что славу за чудо подобаетъ воздать Богу, представляясь здѣсь заботящимися о благочестiи, а также и стараясь склонить его на свою сторону и вѣрить имъ, хотя и достигаютъ высшей степени нечестiя, если говорятъ, что грѣшникъ Тотъ, Кто пришелъ для уничтоженiя грѣха. Однакожъ не представляютъ ни малѣйшаго доказательства такой клеветы, но, высокоумудрствуя и думая о себѣ нѣчто великое и необычайное только потому, что руководили народомъ, они повелѣваютъ имѣть къ нимъ довѣрiе изъ-за знатно-

сти ихъ лицъ и соглашаться съ ними какъ бы въ качествѣ обязанности. Вѣдь это „мы знаемъ“ окажется заключающимъ въ себѣ несравненное превозношеніе у тѣхъ, кто изслѣдуетъ свой невѣжественный умъ. Но и это даетъ поводъ немало подивиться безумію Іудеевъ. Повелѣвая воздавать Богу славу за чудо, какъ единому совершителю такихъ дѣлъ, они однакожъ осуждаютъ Того, Кто совершилъ дѣло Божіе (чудо) собственною Своею силою,—и не только сами они (дѣлаютъ) несчастные, но и другихъ принуждаютъ соглашаться съ ними. Приписывая своему только знанію вѣдать ясно о томъ, что будто бы грѣшникъ Христосъ, они не знаютъ всего того зла, какое опредѣляютъ на свои собственные головы. Привыкши много кичиться знаніемъ закона и несносно величаясь священными писаніями, они получаютъ тѣмъ большее наказаніе, что было можно знать тайну о Христѣ, чрезъ законъ и пророковъ многообразно предъизображаемую и возвѣщаемую, но по причинѣ величайшаго нерадѣнія самозванно увлеклись къ невѣдѣнію,—или хотя и знали точно, однакожъ никогда не желали со всею охотою дѣлать то, что подобало. Вѣдь надлежало руководить умъ стада къ воспріятію тайнъ о Христѣ и стараться вести другихъ къ уразумѣнію того, что подобало знать. Но они, широковѣщательные въ словахъ и ужасно надменные, съ превеликою гордостію восклицая: „мы знаемъ“, отталкиваютъ изреченія закона и ни во что ставятъ Моисея, а изреченія пророковъ имъ кажутся ничего стоящими. Такъ они не принимаютъ во вниманіе то, что предвозвѣщено гласомъ пророка какъ имѣющее быть во время пришествія Спасителя нашего Христа. „Тогда, говоритъ, отверзутся очи слѣпыхъ и уши глухихъ будутъ слышать, тогда вско-

читать какъ олень храмой и ясенъ будетъ языкъ консонычныхъ“ (Иса. 35, 5—6). Такъ испѣленъ разслабленный при купальнѣ Визаа, проведеншій тридцать восемь лѣтъ въ немощи своей, какъ написано (Юан. 5, 2 сл.), по одному реченію Спасителя, оставивъ постель и вскочивъ подобно оленю. Но между тѣмъ какъ изъ за него надлежало возымѣть удивленіе къ Іисусу, они печалились за нарушеніе субботы и волнуясь (мнимымъ) преступленіемъ закона, уничтожали благодать чуда. Также и нѣмой заговорилъ нѣкогда, по изгнаніи изъ него демона. Они же при этомъ обнаружили столь великое неразуміе, что ни малѣйшей отсюда не получили пользы. Прозрѣлъ слѣпой, исполнилась пророческая проповѣдь, осуществился Гласъ Духа, и что же? Опять и здѣсь страдаютъ они тѣмъ же, осуждаютъ Чудотворца, считаютъ грѣшникомъ Того, Кто могъ сіять боголѣпно и показать уже наставшимъ то, что ожидалось съ давнихъ временъ.

IX. 25. Отвѣща убо онъ: аще грѣшенъ есть, не вѣмъ: едино вѣмъ, яко слѣпъ сый ¹⁾ нынѣ (теперь) вижу.

Двоякую, какъ кажется, благодать получилъ отъ Христа прежній слѣпецъ: вмѣстѣ съ тѣлесными глазами у него просвѣтился и умъ,—въ плотскихъ глазахъ онъ имѣетъ блескъ нашего (видимаго) солнца, а духовный какъ бы лучъ, разумѣю просвѣщеніе чрезъ Духа, воспріемлетъ вовнутрь и получаетъ въ сердцѣ. Вотъ послушай, какъ по весьма великой любви ко Христу онъ противится мерзостямъ начальниковъ и искусно отражаетъ ихъ какъ бы опьянѣвшихъ и растерявшихся. Составивъ рѣчь свою съ подобающимъ

¹⁾ *ἄν* какъ авторит. по въ текстѣ *ἄν, ν—ὄν*хъ, какъ D и нѣк. др. и слав. теп.

благоговѣніемъ и воздавъ должное находившимся въ положеніи начальниковъ, благопочтительно говоритъ: „грѣшникъ ли Онъ, не знаю“. Не утверждаемъ, что въ этихъ словахъ онъ заявляетъ себя не знающимъ того, что не былъ грѣшникомъ Христосъ, но думаемъ, что онъ говорилъ имъ нѣчто подобное сему: принуждаемый противъ воли утверждать то, что не должно, не стану клеветать на моего Благодѣтеля, не соглашусь съ желающими безчестить Того, Кому подобаешь всякая честь, не назову грѣшникомъ Такого Чудотворца, не наложу худого приговора Могущему совершать дѣла Божьи, видимое на мнѣ чудо не позволяетъ мнѣ соглашаться съ вашими словами; „слѣпъ я былъ и вижу“: повѣрилъ я Его дѣламъ не по словамъ другаго кого, не увлекаюсь просто чужими рассказами, не дѣламъ (совершеннымъ) надъ другими приходится мнѣ изумляться: самъ я, говоритъ, служу доказательствомъ силы Его, стою зрячимъ нѣкогда слѣпый, какъ образъ нѣкій являющій красоту Его человѣколюбія и отражающій величіе божественной власти (всемогущества). Подобный этому смыслъ, полагаю, надлежитъ усвоить словомъ прозрѣвшаго. Вѣдь сказать: „грѣшникъ ли онъ, не знаю“ и тотчасъ же присоединить: „одно знаю, что слѣпъ я былъ и теперь вижу“, заключаетъ въ себѣ мысль не простого только, но и очень премудраго созерцанія.

IX. 26. Рѣша же ему паки: како отверзе твои очи?

Любопытствуютъ снова и изслѣдуютъ образъ совершенія божественнаго чуда, дѣлая это не изъ добраго намѣренія и желанія узнать истину, но, хотя и считали дѣломъ постыднѣйшимъ всякаго порока и превышающимъ всякое зло—прославленіе Христа кѣмъ либо изъ существующихъ (людей), опять доискива-

ются всего этого, надѣясь, что человѣкъ тотъ (слѣпецъ) быть можетъ уже не повторитъ тоже самое, но въ чемъ нибудь ошибается при разсказѣ о событіи и скажетъ что либо, стоящее въ противорѣчій съ прежними словами, дабы ухватившись за это разногласіе, объявить его человѣкомъ заблуждающимся и лжецомъ. Чрезмѣрно надмѣваясь своимъ разумомъ, они воображали, что сила чуда содержится въ однихъ только словахъ человѣка, а не наоборотъ—заключается въ дѣлѣ. Думаю, они находились въ такомъ же состояніи, какъ и сильно одержимые несправедливою ненавистію къ какому либо, когда спрашиваютъ о чемъ либо, имъ сдѣланномъ, а потомъ, чтобы это не показалось сдѣланнымъ справедливо, не разъ, а часто желаютъ выслушать объ этомъ отъ разсказывающихъ, какъ бы изощряя свой притупленный гнѣвъ на него для острѣйшаго возбужденія. Вѣдь совѣсть всегда устыждаетъ и обличаетъ насъ и непрестанно обвиняетъ за неправду, хотя бы эта неправда и казалась пріятною вслѣдствіе пристрастія. Итакъ, побуждаютъ его и даже невольно заставляютъ возвращаться исцѣленнаго къ одному и тому же и въ тѣхъ же словахъ, какъ бы внушая другъ другу и приказывая усиленно наблюдать за тѣмъ, не сдѣлано ли что не по закону въ чудѣ (совершенномъ) въ субботу. Да, совѣсть душитъ свирѣпствующій и звѣроподобный ихъ разсудокъ, налагая на нихъ, даже вопреки волѣ, совѣсть какъ бы узду.

IX. 27. Отвѣща имъ: рекохъ вамъ уже, и не слышите, что наки хотите слышати?

Излишнимъ, говорить, уже оказывается опять разсказывать то же самое въ уши непослушныя, да и вамъ совѣмъ напрасно часто спрашивать объ этомъ, если

вы не получаете отсюда никакой пользы, хотя и узнаете и убѣдитесь, но заставляете меня повторять одно и тоже не ради пользы, какъ говорить опытъ. Такимъ образомъ исцѣленный обличаетъ здѣсь фари-сеевъ въ томъ, что они совсѣмъ безумствуютъ, „слухъ отвращая отъ истины“, по написанному (2 Тим. 4, 4), безъ причины гнѣваясь на нарушеніе закона, повелѣвая желавшему прославить за это Чудотворца явиться въ качествѣ обвинителя, или предполагая, что онъ питаетъ къ Нему благоговѣніе. Дѣйствительно такая цѣль была у нихъ, такъ какъ для нихъ было совсѣмъ безразлично и ни какого значенія не имѣло преступленіе закона, почему, оставивъ правый судъ, обратились только къ угодному себѣ, хотя и забыли слова Бога: „уста священника сохранять судъ и закона взы-шутъ отъ устъ его“ (Мал. 2, 7).

IX. 27. Еда и вы хотите ученицы Его быти?

Уже ясно исповѣдалъ и безъ всякаго притворства, что не однимъ только словомъ, но и чудомъ онъ наученъ и уже увѣровалъ, принявъ чудесное прозрѣніе въ качествѣ наученія, ибо въ словахъ къ нимъ: „не ужели и вы хотите учениками Его быть“, онъ какъ бы предоткрылъ свое настроеніе, какъ уже пожелав-шій и ставшій (Его ученикомъ). Заботясь нѣкоторымъ образомъ даже прежде всецѣлой вѣры объ исполне-ніи заповѣди: „даромъ получили, даромъ давайте“ (Матѣ. 10, 8), онъ оказывается вполне готовымъ безъ всякой зависти научать ихъ полезному. Утверждаетъ, что будетъ часто и нелѣпно говорить о чудѣ, если только они дѣйствительно сдѣлаютъ его рассказъ наукою для себя. Такимъ образомъ онъ исполнилъ, и весьма прекрасно, слова книги Притчей: „въ уши слушающихъ говори“ (Сир. 25, 9).

Но, кажется, здѣсь загадочно указывается и на нѣчто тайное и сокровенное. Что это, объ этомъ скажу вкратцѣ. Среди начальниковъ были нѣкоторые, кои признавали, что Христосъ есть дѣйствительно чудотворецъ, но также и скрывали еще отъ многихъ это знаніе о Немъ въ видѣ какъ бы зародыша. Объ этомъ засвидѣтельствуетъ намъ и самъ премудрый Евангелистъ, именно, что начальники узнали, что Онъ есть Христосъ, „однакожъ ради фарисеевъ не исповѣдывали“ (Іоан. 12, 42). Эти слова подтвердить и Никодимъ, ясно и громко говорящій къ Господу нашему Іисусу Христу: „равви, знаемъ, что отъ Бога пришелъ Ты учителемъ, и что никто не можетъ этихъ знаменій совершать, что Ты совершаешь, если не будетъ Богъ съ нимъ“ (Іоан. 3, 2). Такимъ образомъ нѣкіе изъ начальниковъ знали, и молва объ этомъ распространялась почти по всему Іерусалиму. И іудейскій народъ предполагаетъ, что начальники Его знаютъ, но только не желаютъ признать открыто по зависти и ненависти. А что истинно и это, можемъ доказать изъ самыхъ евангельскихъ писаній. Самъ блаженный Іоаннъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что стоялъ Іисусъ въ самомъ храмѣ, уча и изъясняя то, что казалось нарушеніемъ закона по мнѣнію слушавшихъ. Однакожъ вожди іудейскіе нисколько не возбуждались этимъ и не осмѣлились сказать: перестань учить несогласному съ древними законами, такимъ образомъ ихъ поведеніе согласовалось съ только что высказаннымъ нами мнѣніемъ о нихъ народа. И дѣйствительно, какъ написано, „говорили нѣкоторые изъ Іерусалимлянъ: не Сей ли есть, кого ищутъ убить? вотъ явно говоритъ и ничего Ему не говорятъ: неужели узнали начальники, что Онъ есть Христосъ?“ (Іоан. 7, 25—26). Говорятъ какъ бы такъ: знаютъ получив-

шіе власть, что Онъ есть дѣйствительно Христосъ,— вотъ хотя и замышляютъ убійство Его, но на Него говорящаго съ такимъ большимъ дерзновеніемъ, не нападаютъ даже простыми словами. При распространенности такого мнѣнія по всему Іерусалиму, и слѣпецъ нѣкогда зналъ это и слышалъ объ этомъ. Поэтому онъ съ нѣкоторымъ благопочтительнымъ обличеніемъ говоритъ: неужели напрасно заставляете меня повторять одни и тѣже слова и прославлять чудо, или же находить удовольствіе въ этомъ разсказѣ и желаете уже получить отъ Него наученіе, но стыдитесь другъ друга и столь досточудному знанію предпочитаете неблагодарный (другъ предъ другомъ) стыдъ?

IX. 28. И укориша его и рѣша: ты ученикъ еси Того, мы же Моисеевы есмы ученицы.

Говоря это, Евангелистъ нѣкоторымъ образомъ подсмѣивается. Замѣтъ, до какого безразсудства дошли получившіе священство, такъ что порицаютъ столь почтенное дѣло, то-есть руководство Христомъ, къ коему нѣкіе изъ святыхъ, питая досточудную любовь, говорятъ—одни: „какъ сладки гортани моей слова Твои, лучше меда и сота устамъ моимъ“ (Пс. 118, 103),— другой также (говоритъ) какъ бы къ Господу нашему Іисусу Христу о невѣрующихъ Ему: „соверши это, и будетъ слово Твое мнѣ въ удовольствіе и веселіе и радость сердца моего“ (Перем. 15, 16). Но не усвоивъ себѣ ни одного изъ священныхъ словъ, они руководимаго Христомъ (исцѣленнаго слѣпца) за одно именно только это (руководство) считаютъ не безвиннымъ, но, считая истинными свои догматы, слѣпцу назначаютъ учителемъ Христа, а себѣ—Моисея. И дѣйствительно, язычники просвѣщены Христомъ чрезъ

евангельское ученіе, а Израиль умеръ съ Моисеевыми образами и погребенъ подъ тьмою буквы. Поэтому и Павелъ говоритъ о нихъ въ одномъ мѣстѣ: „до сего дня, когда читается Моисей, покрывало на сердце ихъ ложится“ (2 Кор. 3, 15). А что въ прообразъ язычниковъ мы описываемъ исторію о слѣпомъ, превращая бывшее съ нимъ образно въ истину съ ними (язычниками бывшаго), это не можетъ подлежать сомнѣнію.

Впрочемъ надо указать на то, что дѣло пріятное и исполненное всякой славы есть поношеніе ради Христа. И чрезъ что желающіе преслѣдовать любящихъ Его думаютъ причинять скорбь, чрезъ это самое, не зная, радуютъ ихъ и вмѣсто того, чтобы доставлять имъ настоящій вредъ, напротивъ дѣлаютъ ихъ только болѣе славными. И конечно уничтожая свои собственные головы, а отнюдь не Христа, пагубные фарисеи говорятъ о Немъ: „Того“ (ученикъ ты), а о себѣ, какъ бы разширяясь до чрезмѣрной надменности, говорятъ: „мы же Моисеевы ученики“.

IX. 29. Мы вѣдѣемъ, яко Моисеови глагола Богъ, Сего же не вѣдѣемъ, откуда есть.

Опять съ самонадѣянностію, имѣя своимъ оружіемъ обычное и любезное имъ безуміе и величаясь необузданнымъ безстыдствомъ, возглашаютъ это: „мы знаемъ“. А присоединяя, что „Моисею говорилъ Богъ“, они чрезъ это хотя признаютъ долгомъ чтить Его, но въ другомъ отношеніи опять оскорбляютъ Его и ни во что вѣдѣютъ Его повелѣнія. Они безразсудно осуждаютъ Того, Кого еще не знаютъ, и даже узнавъ, нечестиво безчестятъ, хотя законъ всецѣло запрещаетъ дѣлать кому либо или присуждать какую либо неправду и незаконіе. Говорятъ здѣсь опять нѣчто такое: безспорно, гово-

рилъ съ Моисеемъ Богъ, никакое основаніе не заставить кого либо сомнѣваться въ этомъ, Онъ далъ законы чрезъ него и положилъ заповѣди для каждаго дѣйствія, поэтому преступникъ священныхъ писаній—думающій вопреки ему, и очевидно нарушенъ уставъ о субботѣ, ибо ты исцѣленъ въ субботу,—уличеннаго и виновнаго въ этомъ справедливо подobaетъ неznать, и мы вполне основательно утверждаемъ, что Онъ не соблюдъ божественный законъ. Итакъ, когда говорятъ о Христѣ „не знаемъ откуда Онъ“, то говорятъ это не потому, что не знаютъ, Кто Онъ и откуда, ибо изъ другого мѣста ясно оказываются признающимися, что знаютъ о Немъ, именно: „не Сей ли есть плотниковъ сынъ, Коего мы отца и мать знаемъ? какъ же говорить, что съ неба Я сошелъ?“ (Матѣ. 13, 55 Іоан. 6, 42). Не какъ указаніе на незнаніе мы должны принимать это „не знаемъ Сего, откуда Онъ“, но видѣть здѣсь плодъ присущей имъ надменности. Подвергая Его ¹⁾ презрѣнію и считая совсѣмъ за ничто, говорятъ о Немъ такую рѣчь.

Кажется, указывается здѣсь и еще вотъ что,—ибо свойство созерцаній побуждаетъ насъ обращаться и къ болѣе тонкому изслѣдованію: „знаемъ“, сказано, „что Моисею говорилъ Богъ“, слѣдовательно мы должны безъ колебаній вѣрить его словамъ и соблюдать божественныя постановленія,—„Сего же не знаемъ“, ибо съ Нимъ не говорилъ Богъ и ничего такого о Немъ мы не признаемъ. Но надлежало фарисеямъ, хотя и привыкшимъ считать себя мудрецами и много хваставшимся знаніемъ божественныхъ словесъ, подумать о томъ, что Богъ и Отецъ, предвозвѣщая чрезъ премудраго Моисея о пришествіи Іисуса въ надлежащее

¹⁾ У Св. Кирилла: свои головы.